

Александр Грин

Недотрога

Александр Грин

Недотрога

«Public Domain»

1936

Грин А. С.

Недотрога / А. С. Грин — «Public Domain», 1936

ISBN 978-5-04-003160-3

«Отец с дочерью ехали из Бедвайка в Ласпур на пароходе, который останавливался в Гертоне. По дороге старик Ферроль заболел, Харита вынуждена была отвезти его в Гертонскую благотворительную больницу, а сама поселилась у одинокой старухи-вязальщицы. — Мы совсем разорились, — рассказывала Харита старухе. — Отец плохой делец, он выдал много векселей; наш дом и оружейную мастерскую продали за долги. — Куда же вы едете и зачем?..»

ISBN 978-5-04-003160-3

© Грин А. С., 1936
© Public Domain, 1936

Содержание

I	5
II	10
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Грин

Недотрога

Неоконченный роман

I

Отец с дочерью ехали из Бедвайка в Ласпур на пароходе, который останавливался в Гертоне.

По дороге старик Ферроль заболел, Харита вынуждена была отвезти его в Гертонскую благотворительную больницу, а сама поселилась у одинокой старухи-вязальщицы.

– Мы совсем разорились, – рассказывала Харита старухе. – Отец плохой делец, он выдал много векселей; наш дом и оружейную мастерскую продали за долги.

– Куда же вы едете и зачем?

– Мы ехали в Ласпур, где есть два оружейных завода; отец хотел найти на заводе место.

– Так вы поедете туда, когда ваш отец поправится?

– Не знаю, – вздохнула девушка, – у нас почти нет денег; я ведь тоже трачу на себя, например, на молоко, хлеб и кофе; но один хлеб я есть не могу...

– Быть может, попробовать вам поступить на место или найти работу? – сказала старуха, уставив на Хариту сквозь очки серые маленькие глаза. – У меня много знакомых.

– Ах, бабушка Санстон, я вам буду очень благодарна.

– Не надо благодарить, милая, ведь девушек с такой привлекательной наружностью очень мало на свете.

– Да что вы! – рассмеялась Харита. – Но вы преувеличиваете, и какое значение может иметь наружность, если у меня всего одно платье?

– Вы умная, Харита; вам будет легко устроиться, – сказала Санстон, шмыгнув носом, и ушла, надев черную шляпу с черным пером. Харита отправилась навестить отца и увидела, что Клаус Ферроль в довольно веселом настроении полусидит в кровати, читая газету.

– Через два дня ваш отец сможет уйти, – сказал доктор Харите, когда она встретила его в коридоре, и протянул руку к подбородку девушки, но она так рассеянно издали своих мыслей взглянула на него, что доктор остыл.

– Ну, вы – недотрога, – сказал он и ушел от ничего не понявшей Хариты в мир стеклянных дверей, источающих запах лекарств.

Возвратись к себе, в крохотную комнату подвала Санстон, Харита уселась, заложила ногу за ногу и стала рассматривать затрепанный том иллюстрированного журнала.

Было тихо. Вошел кот и, подняв хвост, принялся ходить вокруг стула Хариты, мурлыча с полным сознанием важности вещей, сообщаемых им девушке; но она не поняла его.

Тогда кот вспрыгнул к ней на колени и, мурлыча все явственней, нервнее, достиг результата: Харитой овладела тревога. Она сняла кота, встала и вынула из своего сака револьвер.

Вскоре пришла старуха и, пропустив впереди себя рослого мясника в отличном сером костюме, сказала:

– Вам, Харита, удобно будет сейчас поговорить с господином Гайбером; он всеми уважаемый человек, очень солидный и состоятельный, и ему нужна бонна к мальчику.

Гайбер склонил голову набок, ухмыльнулся и развел большие волосатые руки, как будто играя в жмурки.

– Не знаю, какая выйдет из меня бонна, – сказала, краснея от удовольствия, Харита, – но я действительно согласна поступить на любое место. Сколько лет вашему мальчику?

– О, он очень большой! Громадный! Великан-мальчик! – воскликнул Гайбер, придвигаясь к Харите так, что она отстранилась.

– Не понимаю, – сказала Харита, и сердце ее упало. Приоткрыв дверь, старуха Санстон шепнула Гайберу:

– Мы одни, окна и двери заперты.

Гайбер шагнул и взял Хариту за плечи. Нашарив сзади себя револьвер, который лежал под журналом, Харита толкнула дулом в жилет Гайбера, едва внятно проговорив:

– Взгляните, что у меня в руке.

Мясник вздрогнул; отступая, он держал руки обращенными ладонями к дулу, а когда хлопнул дверью, за стеной раздались его проклятья:

– Вы, старая гадина, должны знать, за что беретесь!

– Я всегда знала, – дребезжал голос Санстон. – А от вас тоже многое зависит, – как и что.

Пока Харита спешно увязывала свои немногочисленные вещи, перебранка окончилась, мясник оставил квартиру, а старуха вошла к девушке и присела.

– Вбалмошный, но хороший человек, – говорила она, считая петли чулка, – сначала, вот так, напугает, а потом просит прощения.

– Прощайте, бабушка Санстон, – сказала Харита, вздевая на руку узел, – я вас не забуду.

– Значит, расстаемся? А жаль; давно не ели у меня свежего мяса, не зажимали рта ладонью; давно не слышала я визга и писка. Убирайся; пусть ты станешь калекой, ослепнешь, пусть волосы твои вырвет под забором бродяга.

– Бабушка, бабушка, сколько вам лет?

– Семьдесят, милочка, семьдесят!

– Как же вы будете умирать, бабушка Санстон?

– Лучше, чем ты, бродяга! – вскричала старуха и, расвирепев, вытолкала Хариту на улицу.

Девушка, утерев слезы, принудила себя дышать ровнее. Был поздний вечер. Прохожие присматривались к ней и приглашали зайти в пивную. Харита пришла в больницу и попросила служащего передать записку отцу: «Хозяйка прогнала меня, она – сводня, – писала девушка, – пойдем куда-нибудь, сынок, если ты не очень болен, а если не можешь, то напиши, что я должна теперь делать».

– Ничего ты не должна делать, – сказал, явившись через полчаса в вестибюль, старый Ферроль. Он был бледен, лишь слаб, но здоров и уже застегнул поднятый воротник пальто английской булавкой. – Идем, Харита. Дежурный врач отпустил меня. Вот и воздух, вот ночь и мир. Дай мне.

Он отнял у нее узел, и так как других вещей у них не было, Харите идти было легко. Они вышли за город и тронулись по шоссе; редкие огни мелькали в равнине.

– Что же мы будем делать, сынок? – сказала Харита, звавшая отца «сынком». – Ведь нам надо где-нибудь спать, а в особенности тебе, потому что ты еще слабый. Надо бы тебе также поесть.

– Не беспокойся, – ответил Ферроль и, незаметно для Хариты сняв обручальное кольцо покойной жены, оставил девушку на опушке рощи, а сам прошел к затерянному в кустах огню; этот дом принадлежал учителю Гревсу. Ферроль постучал; Гревс, сжав узкое лицо костлявой рукой, скосил глаза на дверь, а его рыжие дети, пять девочек и три мальчика, спавшие в другой комнате, закричали:

– Папа, папа, не пускай; это опять пришли просить милостыню!

Жена Гревса подняла палец и сказала:

– Почему собака не лает?

– Не лает, потому что не бита, – ответил Гревс и, нехотя оставив занятия – разборку карманных часов, снял с двери запоры.

– Немного поздно, – сказал он, успокоенный седеющей бородой Ферроля и его ясными морщинами вокруг острых, прямых глаз, – что вам нужно?

– Не купите ли вы кольцо? – ответил Ферроль. – Мне нужны не деньги, а пища; я только что оставил больницу и иду с дочерью искать работу.

– Это кольцо – обручальное, – сказал Гревс своей остроносой жене, женщине небольшого роста, беременной и сварливой. – Отойдем в сторону, – шепнул он.

Ферроль прислонился к стене, устало смотря, как из рук в руки ходит кольцо, уже не блестя, как блестело на пальце двойника Хариты – Таис.

В раскрытую дверь спальни дети кричали:

– Папа! Там кто? Мама, я тоже хочу смотреть! Папа, гони бродягу, выстрели в него из ружья! Мама, я боюсь!

– Да... а потом узнаем, что на дороге кто-то зарезан, – говорил Гревс.

– Кольцо доказывает, – возражала жена. – А пастор сказал: «Блажен тот, который...» Ну, понимай сам. Вот мне пришло в голову, что если ты их непустишь ночевать, я заболею.

– Будь по-твоему, Кетти, – ответил муж и, обратясь к Ферролю, сказал: – Идите, приведите дочь вашу; мы положим вас спать, а за кольцо я утром вам дам провизии.

– Вы очень добры, – ответил Ферроль и ушел позвать Хариту, сидевшую в полной простора и сна тьме под старым орехом.

– Что, сынок, дали тебе что-нибудь? – спросила девушка, слыша покашливание вблизи себя.

– Дадут, нас позвали ночевать, – сообщил Ферроль, – идем со мной.

Девушка вскочила и отряхнулась, весьма довольная.

– По крайней мере, мы хорошо выспимся, – сказала она, – смотри, как нам повезло!

Опять собака не лаяла, хотя ее скачущий силуэт гремел цепью, порываясь рассмотреть тех, кто не внушает тревоги.

Все дети вышли смотреть прохожих; рыжие, полуголые или закутанные в одеяла, они сидели на стульях и подоконниках, гримасничая и наделяя друг друга щелчками. Харита опустила узел на пол и встретила взгляд жены учителя, затем взгляд Гревса; первый недружелюбно метнулся, второй начал мерцать.

– Странно, что собака на вас не лаяла, – снова удивилась Кетти, и ее намерение сварить кофе исчезло. – Чего же ты стоишь? – обратилась она к мужу: – Принеси-ка из сарая соломы да те одеяла, которые я буду перешивать. Садитесь, милочка.

Она положила на стол хлеб, поставила блюдо с тыквенным пирогом и кувшин молока. Мешочек с провизией был готов.

– Вот это вы заберете с собой, – говорила Кетти. Там яйца, сыр и хлеб. Садитесь и ешьте.

Гости уселись, но, как ни хотелось Харите есть, дать себе волю она не могла и, медленно отломив кусок пирога, стала, опустив глаза, прихлебывать молоко.

Ферроль ел, как автомат, стремясь насытиться раньше, чем горло начнет сопротивляться еде. Отодвинув тарелку, он закурил трубку.

– Тетя драная, – сказал крошечный мальчик, ползая под столом, он тыкал пальцем в лопнувший башмак девушки.

– Мама, ты заперла серебряные ложки? – спросила старшая, чинно сидевшая девочка, нахмутив рыжие бровки и не спуская глаз с посетителей.

– О, да! – значительно заявила мать и, разостлав у стены кукурузную солому, опустила на нее старые одеяла. – Так куда же вы идете, хорошие мои?

– Мы пойдем по дороге – все прямо, как ведет дорога, – ответила ей Харита, – ведь нам ничего другого не остается, не правда ли, сынок?

– Харита называет меня «сынком», – сказал Ферроль, видя, что Гревс поднял брови.

– Вы откуда... позвольте спросить? – вежливо обратился Гревс к девушке, но ответа не получил, так как жена быстро прикрикнула:

– Тебе-то какое дело!

– Я ехал с дочерью из Бедвайка, – ответил вместо Хариты Ферроль, – обстоятельства разорили нас.

Гревс побоялся спрашивать, а Кетти двинула бровью в знак безразличия, и вопросы окончились.

Дети подняли рев, – двое из них получили шлепки за намерение тайно допить оставшееся молоко; между тем Гревс, видя, что Харита почти ничего не ела, вознамерился намазать ей кусок хлеба маслом; он сделал это вполне корректно, даже чуть сухо; подвигая угощение, покраснел до ушей.

Отчетливо и звонко старшая девочка донесла:

– Мама, мама, смотри: папа намазал ей хлеба с маслом... и как толсто!

Взгляд Кетти лизнул по хлебу.

– Твой отец готов всем делать доброе, кроме нас, – сказала она. – Что же вы не едите ваш хлеб?

– Я не хочу, – сказала, нервно смеясь, Харита. – И нам даже пора идти.

– Да, пора, – тихо подтвердил Ферроль, выколачивая трубку. – Ночь хороша и тепла, а днем идти очень жарко.

– Они гордые, – сказал горбатенький мальчик с бледным острозубым лицом, – им здесь не нравится.

– Ну да, разумеется, как хотите, – смешался Гревс. – Провизия готова.

– Нет! Я хочу знать, в чем штука? – подступила жена. – Что дети изволили пошутить, что ли?

– О, нет, – сказал Ферроль, с трудом удерживая гнев, – но моя дочь страдает припадками эпилепсии, и я один замечаю, что у нее должен быть припадок.

– Ах, так! Что же вы не сказали раньше? Нехорошо с вашей стороны, – отозвался Гревс. – А давно это у вас?

– Давно, – сказала, помолчав, девушка. – Ты готов, сынок? – и она положила ему на голову шляпу, которую он поправил.

Они встали и вышли, сопровождаемые смешливым, хотя и стесненным молчанием. Вслед им раздался голос старшей девочки:

– Вымой хорошенько тарелки, мама, они больные и грязные.

Крепко прижимаясь к отцу, несшему узел и провизию, тихо говорила Харита:

– Под ветерком, сынок, – правда? Под пальтишком твоим? А как нравится тебе семейство?..

И она рассмеялась сквозь слезы так заразительно, что небрежно рассмеялся и Ферроль, уводя девушку к приюту чистой травы.

Кетти сказала хмуро чинившему часы Гревсу:

– Опять собака не лаяла. Наверное, они прикормили ее.

Между тем, старуха Санстон легла спать и увидела при спущенном огне лампы, что кот бросился ловить выбежавшую из-под кровати мышь.

– Прочь, проклятый! – закричала она, вскакивая, и кинулась гнать его в соседнюю комнату, но оступилась и, падая, ударилась виском об угол стола.

Кот выбежал, затем, когда все утихло, вернулся, подошел к трупку издохшей ведьмы, обнюхал ее прикушенный зубами язык и, выгнув спину, стал громко мурлыкать.

II

К вечеру следующего дня Ферроль и Харита, нигде не найдя работы, постучались в ворота небольшой мызы. Ее хозяин оказался приветливым добрым человеком, несмотря на возраст; лет шестьдесят было ему, он сохранил ясность духа, юмор, ловкость движений. Его звали Абрагам Флетчер. На умном твердом лице Флетчера всегда мелькала проницательная улыбка, а полуседые волосы его лежали с изяществом пудренного парика 18-го столетия.

Встретив путников как гостей, накормив их отличным ужином, Флетчер приказал служанке Миранде устроить две постели в свободных комнатах левого крыла здания.

Миранда, смуглая женщина с суровым лицом, отправилась исполнять приказ, а Ферроль поведал Флетчеру свою историю.

– Мой план, – сказал в заключение Ферроль, – состоит в том, чтобы по дороге к Покету заработать денег на проезд наш в Риоль, есть там оружейные заводы, а дело это мне хорошо знакомо.

Меж тем Харита, отдохнув, спокойная, сытая, чувствовала подъем духа, но некуда ей было излить его, она сидела и улыбалась, медленно глядя кожаный валик кресла, а ногу с лопнувшим башмаком прятала под сиденье.

– Надо вам отдохнуть, – сказал ей Флетчер, – хотите, я покажу вам, где комната?

– Хорошо, – встала Харита.

Гостям были отведены две комнаты рядом, а двери их выходили в небольшой зал. Здесь стоял шкаф с книгами; Флетчер сказал Харите:

– Шкаф не заперт, читайте, сколько хотите.

– Хорошо, я потом за него примусь, – ответила девушка. Флетчер наклонился и сделал что-то с ее ногой, но она, рассматривая шкаф, поздно заметила его движение, – лишь когда он выпрямился.

– Что это? – спросила Харита, отступая и смотря на пол.

– Ничего, ничего, – сказал Флетчер, пряча нитку за спину. На нитке он прижал ногтем две мерки: длину и ширину башмака.

«Какой он странный, – подумала девушка, – верно, он нашел что-нибудь».

Открыв дверь комнаты, Флетчер пожелал Харите спокойной ночи и неторопливо ушел, а Харита заговорила с Мирандой, расстилавшей белое одеяло.

– Надо ли вам помочь, Миранда?

– Нет, – сказала служанка.

– Это окно выходит к морю?

– Да, – ответила Миранда, наливая в умывальник воду. Харита помолчала.

– Будьте добры меня разбудить пораньше, – сказала она, вздохнув, – потому что нам надо идти.

– Хорошо, – ответила Миранда и, подобрав тряпки, ушла. Девушка взглянула в окно: там, чернеясь на заоблачном свете позднего неба, стояли горы.

«Ах, все равно, – подумала девушка, – какое дело мне до глупой Миранды».

Она вышла посмотреть, как обстоят дела в комнате отца, и услышала за дверью залы отчетливый разговор:

– Миранда, – говорил Флетчер, – я слышал, как вы невежливо, нехорошо отвечали бездомной девушке, которая не сделала вам ничего худого.

– Она врет, если пожаловалась, – сказала Миранда. – Сама же пристала ко мне и говорит: «а что, богат ли ваш хозяин?»

– Неправда, я слышал, когда проходил под окнами, другое.

– Ну, хорошо, я буду говорить как с принцессой.

– И это лишнее, говорите с уважением, так как она моя гостья. Это все, а на следующий раз я выдам вам ваше жалованье и забуду о вас.

– Что это ты такая веселая? – спросил Ферроль, когда Харита пришла вниз.

– А вот так, мне весело, – сказала Харита и села рядом с Флетчером. – Я отошла. Побывала в комнате. Я засну крепко, сынок. Застряло? – обратилась она к Флетчеру, который не мог прососать трубку. – Сейчас. Чем же? Гвоздя нет. Разве булавкой? Но нет и булавки.

– Обнищала, – шутит Ферроль.

– Нет, сынок, мы не нищие, у нас нет только денег.

Харита выбежала на двор и принесла длинную колючку акации.

– Колупайте-ка этим, – сказала она, предварительно тронув пальцем колючки.

– Прочищено, – заявил Флетчер, испытав орудие Хариты. – У акации есть колючки, они защищают ее, а есть ли они у вас?

– Нет! Абсолютная бесколючесть кругом, можно пощупать, – расхохоталась девушка, потом задумалась и стала водить пальцем по скатерти.

Вскоре после того Ферроль улегся спать, весьма довольный настоящим отдыхом после утомительного пути; ушла, поцеловав на ночь отца, и девушка в свою комнату, но не разделась, а стала прислушиваться. Когда Ферроль начал храпеть, она тихо зашла к нему, взяла его сильно проношенные брюки и, пытаясь на цыпочках, удалилась, но когда притворяла дверь, то увидела, что в зале стоит Флетчер.

Смутясь, Харита быстро свернула брюки и потупилась, а Флетчер подошел к ней.

– Вы не спите еще? – сказала девушка, держа отцовскую вещь за спиной.

– Я ложусь поздно. Отнесите эту починку к себе и вернитесь, я хочу поговорить с вами.

– Хорошо, а потом я буду штопать, так как тут есть, понимаете, небольшие отверстия. Необходимо, ничего не поделаешь. Я вернусь; только я отнесу.

Флетчер стоял, задумавшись. Рассеянно взглянув на возвратившуюся девушку, он увел ее на маленький железный балкон.

– Сегодня ли, завтра ли, но этот разговор нужен. Я одинок, стар и соскучился без людей. Оставайтесь здесь жить навсегда.

– Благодарю вас, – сказала, оторопев, Харита, – но я не могу решать сама такой важный вопрос.

– Да, поговорите с отцом.

– Допустим, он согласится. Как же мы будем жить? Горестно жить из милости.

– Горестно жить из милости, но приятно из дружества, – ответил Флетчер.

– Правда, вы особенный человек, я это сразу заметила и доверяю вам, – задумчиво начала Харита, но уже ей хотелось смеяться от удовольствия. – Но вы совсем не знаете нас; еще один только вечер мы здесь.

– Немного надо времени, чтобы отличить воду от вина, оленя от козы и золото от меди, – сказал Флетчер. – Быстрота решения еще не означает его несостоятельности.

– Но другое означает. Может быть, мы преступники! Какие-нибудь жулики, хотя, – поспешно dokonчила Харита, – этого нет, конечно, но так, примерно сказать?!

– Примерно сказать, что вам пора спать, – ответил Флетчер, – итак, снова поговорим утром.

– Я не знаю, что будет, – помолчав, сказала девушка, обратив к Флетчеру растроганное лицо, – но я знаю, что теперь не забуду вас никогда. Спокойной ночи!

Она вошла в комнату, оборвала фитиль свечи, уселась и пришила пуговицу к изнанке материи.

III

– Делайте, как хотите; вы дома, – сказал Флетчер.

– Я остаюсь с тем условием, – заявила Харита, – что мне дадут работу.

– Дадим работу, – ответил Флетчер, – впрочем, вы сама найдете ее, где, когда, как и что вам захочется.

– Напрасно вы так сказали, – встревоженно заметил Ферроль, – потому что Харита существо деятельное и беспокойное, она перебьет массу вещей и наделает хлопот всем.

– Сынок, сынок! – укоризненно сказала Харита. – Хорошо ли так говорить?

– Следовательно, ваше представление о себе иное? – спросил Флетчер.

Обиженная, Харита выпрямилась и некоторое время молчала, но принудила себя, наконец, ответить:

– Я сужу так: если я делаю что-нибудь хорошо, – похвалите меня, а если делаю плохо, – стоит ли обращать внимание?

– Нет, не стоит, – важно сказал Флетчер.

– Не стоит, – подтвердил Ферроль.

– Лучше я встану и пройдуся, – вздохнула девушка, – так как вы оба подшучиваете надо мной, а за что?

– За то, – угрюмо обронил Флетчер.

– За то, – удачно скопировал его Ферроль.

– Я действительно скучаю сидеть без дела, – сказала Харита, – без дела и без движения.

Но, когда я читаю, – я могу сидеть спокойно и долго, я двигаюсь тогда в книге, с теми, о ком читаю.

Она встала и ушла к себе, где увидела новые башмаки. Что башмаки предназначались именно ей, явствовала приложенная к ним тут же на стуле записка Флетчера: «Так надо; так хорошо». Вспыхнув, Харита залилась слезами и, отплакав, надела башмаки с великим облегчением.

– Действительно, что так хорошо, – говорила она, притопывая носком, а затем бегая по комнате и склоняя взгляд к стройным своим ногам, – те были совсем дырявые. Значит, я – нищая? Нет, нет; только все это трогает, волнует меня; мыслей много противоречивых. Все равно.

Но, обувшись, она села на стул, не решаясь теперь сойти вниз. Так она сидела бы долго, если бы ей не пришла разумная мысль о равновесии, и, порывшись в узле, Харита надела еще почти новую светлую блузу, волосы обвязала бархатной синей лентой и пристегнула к рукавам ажурные нарукавники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.